

18+

Юлия Беломлинская

Мы больше нигде не дома

Юлия Беломлинская
Мы больше нигде не дома

«Издательские решения»

Беломлинская Ю.

Мы больше нигде не дома / Ю. Беломлинская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901111-4

Героиня книги — Бедная Девушка. В анфас она похожа на Ангела, но в профиль — на Пульчинеллу. В Нью-Йорке, Париже и Питере она занята поисками Большой Светлой Любви, вместо которой ей на голову падают странные приключения, от которых непонятно, плакать или смеяться. Бедная Девушка — на всякий случай плачет и смеется одновременно... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-901111-4

© Беломлинская Ю.
© Издательские решения

Содержание

ПРИЗРАК ОПЕРЫ	7
АБВГДЕЙКА	12
ВИКЖЕЛЬ	17
НЕВЕСТА	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мы больше нигде не дома

Юлия Беломлинская

*Мы больше нигде не дома, только в самих себе, а это частенько
квартира сомнительная и со сквозняками.*

Эрих Мария Ремарк, «Скажи мне, что ты меня любишь...»

© Юлия Беломлинская, 2019

ISBN 978-5-4490-1111-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

фото Андрея Кузнецова «Кузярушки» ставка митьков 2000 г.

ПРИЗРАК ОПЕРЫ

*«Но галерка простит оговорки Сопричастна греху моему...
«Александр Галич «Старый Принц»*

В редакцию нашей стенгазеты пришло письмо:

«В Интернете нашел ссылку на некоего Б. Ю.: «Юля Беломлинская – паучиха Черная вдова, ей надо выпуститься на человеке, а потом его уничтожить». Что это значит?»

Юха приехал в Питер из Москвы.

Делать первый русский Рок-театр.

Я оказалась Крупской-Арманд при этом Ильиче, и главным художником при его Великом Деле. Мы стали жить и работать вместе.

А потом Гастон, все тот же, счастье или несчастье всей моей жизни, опять появился на пороге. Его очередная попытка разрубить узел нашей страсти не удалась. А если не рубить – то узел только затягивается.

И тут еще Кира Муратова позвала меня в Одессу.

Работать с ней на картине «Перемена участи».

Вобщем, я, как змея, отползла сперва от юхиного брэнного тела. А потом от его Нетленного Дела. Юха орал, ругался. С Гастоном слегка подрался. Но окончательно поссорились не сразу.

У нас еще была долгая коммунальная свара, как у бывшей парочки. Он все никак не мог увезти своей чемодан, с моей кухни. В новое жильё. А кухня – метра два полезной площади.

Из них полтора метра занимает чемодан Юхи. А живет Юха в пяти минутах ходьбы. У нашего друга Никиты.

Я кричу в телефон, что если сейчас, он сука, не придет за чемоданом, точняк, вынесу чемодан на помойку.

Я который день его уговариваю! Никакой реакции.

Тогда я звоню и говорю, что чемодан уже на помойке.

И это – чистая правда.

Он приходит. Говорит, что я – жестокосердая.

Но вот это неправда. Потому что я живу на первом этаже.

Помойку видно в окно.

И я все это время, пока Юха идет, слежу за его чемоданом.

И даже успеваю за это время какого-то синюшника, криком в окно от чемодана отогнать.

Но он не стал вникать.

Увидел только факт: Чемодан На Помойке.

Такая вот Классика Разбитого Сердца.

Обиделся.

Следующий его коммунальный ход:

Никита и впрямь жил близко. Ну, не пять минут, а пятнадцать. Жизнь у нас была ночная, и в четыре утра идти одной, пятнадцать минут, все равно страшно.

И меня всегда кто-то провожал.

И вот, через пару недель, сидим все в гостях у Никиты.

Сам Никита на съемках, Юха там живет, остальные – гости.

Народ начал расходиться, я тоже встаю, а Юха и говорит:

– Посиди еще, я тебя потом провожу.

Я села на место. А часа в четыре утра вот что слышу от него:

– А теперь иди одна в ночь и трепещи!

Я тебя *нарошно* провожать не буду. Ты меня достала с этим чемоданом.

Я пошла домой одна. И вправду страшно было очень сильно. В Питере всегда страшно.

Следующий мой коммунальный ход:

Еще через пару недель, придя к одной местной красавице, оставим ее безымянной, я застаю там Юху за чашкой чаю.

И из лучших соображений, просто чтобы ее предостеречь, говорю:

– Вы, голубушка, лучше на него не рассчитывайте. Ласки от него не дожدهшься, он умеет только строчить, как швейная машинка «Зингер», а потом сразу засыпает...

Эта фраза в нашем маленьком городе как-то сразу оказалась крылатой.

Ее стали повторять многие девушки своим кавалерам.

Мы с Юхой перестали здороваться.

Потом он вернулся в Москву.

Постепенно мы помирились.

Спокойно пересекались и нормально общались.

Но однажды я привела к нему в Москве юного Цыпера.

Нынче он – создатель Могучей Мозгомойной Клумбы.

Точнее Тумбы.

А был когда-то талантливый журналист.

Цыпер написал классную статью про Юху.

Про то, что Юха – фантом, призрак оперы, гениальная личность с пустым результатом, великий и ужасный обманщик из страны Оз...

Написал чудно – вот цитата неточная, по памяти:

«...еще до его приезда, в Городе обнаружилась девушка с таким же лицом и перевернутыми инициалами: не Б. Ю., но Ю. Б...»

Чуть позже возникло и само лицо: портрет-фреска в мастерской на Итальянской улице:

Все тот же узкий глаз и носатый профиль.

Влюбленный Художник нарисовал Девушку, и это опять был Он, его Тень...

Тенью, Носом, Портретом бродил наш герой по Петербургу...»

Что-то в таком духе.

А дальше про то, что кроме вот этого флера в Юхе ничего нет, но и этого довольно для того, чтобы назвать его гением...

Я бы в жизни на такое не обиделась.

Но я уже не участвую.

Я уже наступила ногой на ту полоску, нарисованную мелом на асфальте, после которой, по правилам, мне положено выходить из игры.

Это – граница игры.

А дальше я еду в Америку, и живу «за границей собственной судьбы».

Одна радость – в Блумингтоне, в местной библиотеке, читаю русские журналы. В том числе, журнал «Театр», отданный по причине 90-х «молодежной редакции». Они развели там

такое типа ЖЖ для пятнадцати посвященных. А журнал в ту пору был тиражом на всю страну. Тысяч сто что ли. Или четыреста...

И вдруг вижу там: мудила Юха пишет Опровержение!

Этой цыперовой статьи. Соревнуясь с ним в красноречии. Оттягиваясь в полный рост.

Там было что-то такое:

«...этот крошка Цахес, духовный уродец, могущий изрыгать только злословие, откуда он взялся? Оооо, я вам отвечу, откуда он взялся! Как ни странно, крошка Цыпер, будучи москвичом, является представителем самой злой, а именно петербургской Школы Злословия! Основательница этой школы – Юля Беломлинская, местная Мадам Де Помпадур, ее имя и портрет присутствуют в этом отвратительном пасквиле в зашифрованном виде, именно в складках ее пышных юбок и зародилось омерзительное явление, называемое Крошка Цыпер... Вот чей он паж и верный ученик! Но у Юли все было проще и понятней. Юля Беломлинская – паучиха Черная вдова, ей надо выспаться на человеке, а потом его уничтожить.

Ее последователь – гнусный Крошка Цыпер, мелкая собачонка при знатной даме, кусает просто так, из любви к хозяйке...»

Ну, вроде, хватит.

Я цитирую по памяти.

Я много раз прочла это.

Сажу себе в библиотекеуниверситетского города Цветогорска Мид-Вест Индиана, растолстевшая, в бесформенной сиреневой кофте, абсолютно оторванная сама от себя, от всего, кроме своей дочки, ни к чему непричастная...

И читаю этот русский журнал трехлетней давности...

Чувствовала я себя, наверное, как Судейкина.

Уже там, в парижском скворешнике.

– Что это было? В какой стране? С кем?

Как вы сказали? Петербург?

А они, по-прежнему, там живут, ходят по моим улицам.

Тенью, Носом, портретом...

А они, по-прежнему, могут взять билет до Питера.

Выйти утром на Невский, пройти двадцать минут, свернуть на Итальянскую,

подняться на третий этаж в подворотне Малигота, постучать, и двухстворчатую дверь распахнет...

Похмельный, но не злой.

Глаза красные, как у белого кролика.

Мой Гастон – из книжки «Роковая любовь».

Призрак Оперы.

Все москвичи знали, что он – редкая в нашем кругу, ранняя птица. И даже с первого московского поезда можно смело идти в эту мастерскую, и там тебе откроют.

И там ты, глупый бедный москвич, будешь пить своей первый Утренний Питерский Кофе.

Да, Призрак Оперы обычно к девяти уже там.

В своей мастерской, во дворе театра, бывшей адмиральской квартире.

А я приду нескоро.

Хорошо если к двенадцати.

А может и к часу.
Господи, как же я хочу домой...

Домой?
Нет.
Я еще не готова.
Вернуться к себе самой.

«Юля Беломлинская – паучиха Черная вдова...»
Я все читала, вспоминала и плакала...
Наверное, эти дурацкие юхины строчки покоробились и расплылись,
на них вылилось три ведра моей скупой мужской слезы...

...Последний удар, который я ему нанесла, уже перед отъездом, был отказ подписать какое-то прошение о том,
чтобы какой-то его партии панк-рока отдали остров в Тихом океане.
Такая натурально концептуальная петиция.
– Подпиши! Устроим там колонию, класс будет! Все будем ходить голыми!
– Нет, Боря, не подпишу. Я точно знаю, что у тебя на острове всем можно будет ходить голыми. Но зато ходить одетыми будет запрещено под угрозой расстрела и высылки.

С этим я и улетела в Америку.
И вот сижу, вспоминаю свою Школу Злословия...
А потом вспомнила, что все это только классики на асфальте.
И только кажется, что нельзя преступить эту черту.
Ее можно даже просто стереть.
Она мелом нарисована.

Первое, что я спрашиваю у крошки Цыпера по приезде:
– Как там Юха?
Цыпер говорит:
– Юха оказался такой хороший... Вписался в ОГИ, на детских утренниках читать сказки.
Представляешь, честно встает утром, приходит к десяти. И не пытается там с родителями этих детей тусовать, а честно читает...

Я тоже думаю: какой хороший стал Юха...
И потом вспомнила эту всю историю и сделала его героем хулиганской слэм-поэмы «Интервью».

Потом видела я его один раз.
Он пришел на мой концерт в «Китайском летчике»
А потом я еще хотела повидаться, его звала куда-то по телефону, а он сказал:
– Мне не доехать. Я живу в лесу.

Он просто в спальном районе живет,
Но я решила, что в настоящем лесу.

Все эти страсти и обиды, обретенные в двадцать с лишним лет, так навсегда и остаются.
А я как раз в это время умудрилась подьебнуть почти всех.
Наверное, мстила мужчинам за свой неэлегантный Нос.

И хотела быть Чертом Из Табакерки...
А сейчас я рада просто тому, что все мы живы.

А Портрет не выжил, погиб еще при мне, в конце восьмидесятых.
Мастерская Гастона принадлежала театру, и там делали ремонт.
Стенки ломали.
Кусок стены с этой фреской выломали и прямо из окна бросили во двор.
Она не разбилась.
Так и лежала внизу во дворе.
Раньше именно в этом дворе был вход в «Бродячую собаку».
Пошел снег, мы смотрели в окно, и снежинки падали на этот нос и узкий глаз.
Общий у юноши Б. Ю.
и девушки с перевернутыми инициалами, Ю. Б.

Питер 2009

АБВГДЕЙКА

Рождественский романс.

Питерец Москву традиционно не любит.

Ездит туда исключительно на заработки.

Или в крайнем случае на казенные деньги, в командировку.

Вот и я попилила на казенные деньги – в командировку.

На вокзале меня встретил поэт Емелин и самолично проводил в гостиничный комплекс Измайлово, называемый в народе Абвгдейка.

Это потому что там корпуса Альфа, Бета, Вега...

Бросили сумки и «эй ящик, гони-ка к ЯРУ» – в ОГИ.

Вообще то я почти совсем непьющий человек – мне пить попросту нельзя, но тут взыграло во мне чувство стиля: непьющий командировочный – это нонсенс.

И главное там возник удивительный персонаж, который все время покупал мне ликер «Самбука» – ну тот, который поджигают, потом, как-то сложно пьют, накрывши рюмочкой.

В моей любимой книжке «Пятнадцатилетний капитан» – вот от такого как раз умер, загоревшись один отрицательный герой – король Муани Лунга.

А я – выжила!

Однако поутру было сильно хреново.

Зеленая встала я, в пять вечера, зеленая отправилась на важное мероприятие – брать интервью у писателя Лимонова..

Интервью прошло чудно – потому что сама я говорить почти совсем не могла. Сидела на стуле тоже с трудом, но мономан Лимонов этого не заметил. Он вдохновенно говорил полтора часа. Слушать у меня тоже не особо получалось, но это было и не нужно – диктофон крутился. Зато на лице моем было именно то овечьё—покорное выражение, которое так приятно созерцать любому харизматическому лидеру.

После интервью я решила, что сегодня будет вечер тихого отдыха, в гостинице перед телевизором. Тем более поэт Емелин предупреждал – самое трудное это первый день похмелья.

В маленьком кафе в вестибюле Абвегедейки сидели трое ребят и чудно пели под гитару.

Всякие гитарные песни – Высоцкого, Розенбаума, Кима, старые романсы...

Я все таки не выдержала и решила немножко посидеть с ними. И ничего, конечно, не пить, а только сто граммов водки, налитой в зеленый чай. Это изобретенный мною коктейль. Я назвала его своим именем «Джюльетта». Удивительный напиток. Сахару не класть!

«...Ходят кони над рекою...»

– А вы, девушка, наверное, любите Окуджаву?

Голос был такой приятный, я и не заметила, когда он подсел к нашей компании.

Маленький полноватый человечек. У него была круглая азиатская физиономия. Длинные ярко-зеленые глаза в пушистых ресницах. Казанский татарин.

Так я его определила и не ошиблась. Он улыбнулся...

У Булгакова в «Мастере...» Арчибальд Арчибальдович ледяным голосом спрашивает швейцара, впустившего в ресторан «Грибоедов» Ивана Бездомного: «– Ты видел, что он в подштанниках?»

Я, сама себе, и швейцар, и «Грибоедов», и Арчибальд Арчибальдович.

Поэтому впоследствии неоднократно задавала себе похожий вопрос ледяным голосом:

– Ты видела, что у него все зубы во рту железные?

Видела!

И более того, он сам мне доверчиво сообщил, что не так уж давно откинулся.

Но теперь живет честной жизнью и держит небольшую строительную компанию — гастарбайтеров.

Он мне очень понравился. То есть с момента, как я «перешла на дружбу» с поэтом Емилиным — мне так никто не нравился.

«... Ямщик, не гони лошадей...»

Конечно, он начал меня угощать. «Джувлетты» полетели одна за другой.

Я уже вовсю подпевала про всевозможные варианты коней, лошадей, ямщиков и извозчиков.

Но тут в кафе ввалились сутенеры и грубо нарушили нашу певческую идиллию.

Сутенеры, вот такие в классическом смысле этого слова — не подрядчики у проституток, не охрана, не менеджеры, а именно «коты» — ничего не делающие, просто живущие с этими девицами за их счет, во все времена и во всех странах — на редкость омерзительные существа. У проституток подороже их давно уже заменили подрядчики и охранники, но в мире дешевки все по-прежнему, как в рассказах Горькова, Куприна, или какого-нибудь О, Генри.

Девушки, неизменно некрасивые и несчастные, по-прежнему, героини песни, обнаруженной мною в одном из горьковских рассказов:

«... Понедельник наступает

Мне на выписку идти

Доктор Крюков не пускает,

Ах ты, мать его ети...»

«Коты» — точная копия тех их купринской «Ямы» — наглые, злобноватые отморозки.

Все красавцы, как на подбор. Были бы они порядочные мужчины, пошли бы сами пахать, например, в мужской стриптиз. Или в кооператив интимных услуг для дам «Красная Шапочка». Или, на худой конец, объявили бы себя какими-нибудь поэтами, гениями русской культуры и стали бы жить за счет работающих жен. Вообще, у мужика в нашей многострадальной стране способов честно заработать, махая своим «хоботом», предостаточно.

Но эти козлы-коты, плюхнувшиеся за наш столик, предпочитали обирать непутевых девиц.

Они сели и сразу все стало не так.

— Слышь ты, седой, а сбаци-ка нам...

Нет, не «Мурку». «Мурка» — хорошая песня. Старая уважаемая городская баллада из бандитской жизни.

Хороших песен они не знают. Сбациать попросили какое-то дерьмо из «попсы».

Седой, тот, что постарше, стал молча упаковывать гитару в футляр.

Я, конечно, жива еще — чудом.

Неудержимое желание вербализировать правду — часто приводит меня на край гибели. Или, в крайнем случае, на край потери передних зубов.

Глядя прямо в глаза главному отморозку, я противным голосом вербализировала тот факт, что мы хорошо сидели, но, благодаря им, сейчас встанем и разойдемся. И что спеть мы для них не можем, поскольку песни у нас с ними разные.

«... Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее...»

Козлокотых было трое.

Классический расклад современной преступной группировки: один русский — «правая рука», один среднеазиат, цивилизованный — этот был «голова», и третий, эдакий «чурка», еле-еле базлающий по-русски. Этот — явно был «левой рукой», простым исполнителем.

Он как раз и собрался меня «исполнить» немедленно по окончании моей речи, но мой новый знакомец оказался ангелом хранителем.

Железнодорожный ангел что-то тихо сказал ему на неведомом ихнем среднеазиатском языке, и представьте себе, они встали, и отвалили в другой конец кафе.

Во как. Настоящий Последний Герой. Что тут говорить, Рыцарь, избавивший меня, Прекрасную Даму от трехглавого Козлокопотога Дракона.

Ну, могла ли я после этого не пригласить его к себе в номер?

«...Извозчик, отвези меня домой...»

– Я пойду вперед, а ты подходи минут через пять. Третий этаж у кактуса – направо.

Я все еще по старо-советской привычке боялась коридорных.

Кошелек у меня был особенный, специально приготовленный для Москвы, где, как известно вор на воре. Кожаный конвертик, на кожаной веревочке. Он висел прямо на шее – как ключи или варежки у школьника. В нем лежали деньги, выданные мне посланным меня в командировку журналом на приобретение в фотоагентстве красочного портрета Жерара Депардьё. Сто пятьдесят баксов – деньги конечно небольшие, но глубоко казенные. Их я хранила в специальном тайном отделении. А в явном – свой личный полтинник.

До номера я добралась с трудом. Голова кружилась, и ноги подкашивались. На этот раз я выпила, кажется опять литра полтора – паленой измайловской водки, заливая ее зеленым чаем.

Войдя в номер, я решила первым делом спрятать кошелек. Любовь любовью.

А зубы все-таки железные...

Я сняла кошелек с шеи и сунула в карман пальто. Ну, в кармане то пальто, никто и никогда не станет искать кошелек! Почему я так решила, теперь уже трудно понять.

Люди говорят – подсыпал клофелину.

Но алкоголики со стажем утверждают, что полтора кило самбуки помноженное на полтора кило паленой водки – вполне нормальный набор для полного саморазрушения, и безо всякого клофелину.

Через пять минут раздался стук в дверь. За дверь стояла заспанная хмурая горничная.

Из за ее спины выглядывал татарин.

– Этот, к вам?

Номер был одноместный с узкой девичьей кроваткой.

Он остался ночевать и спал в кресле, укрывшись пледом. Я сквозь сон успела назначить ему свидание на следующий день – на Тверской возле памятника Пушкину.

Там, в семь вечера мы встречались с поэтом Емелиным и его новой возлюбленной Вероникой, чтобы идти в книжный магазин «Фаланстер» слушать стихи.

Когда я проснулась, татарина уже не было.

И я сразу пожалела, что договорилась с ним на семь у Пушкина. Он человек совсем из другого мира. Нелитературный. В магазине «Фаланстер» презентация книги поэта Нескажу. Там соберутся леваки и члены поэтической группировки Осумбес (Осумашечившие Безумцы). Зачем же я поташу его в эту сомнительную компанию?

И вообще, первым делом надо проверить на месте ли кошелек.

Кошелек был на месте.

Но он был кристально пуст.

В первую минутку, я как все ограбленные, не поверила.

Я некоторое время тупо вертела его в руках, залезая пальцем во все его отверстия и кармашки, и не веря своим глазам.

Во вторую минуту я сообразила, что к памятнику Пушкину татарин, скорее всего сегодня не придет.

А в третью минуту я поняла, что прикупить протрет Жерара Депарье мне теперь не на что, и что к моему статусу командировочного прибавился еще статус растратчика казенных денег. Кстати, вполне традиционный для командировочного. То есть, я теперь знаю и понимаю, как это обычно происходит. Москва, попойки с цыганами, Грушенька...

«...Эх, да тройка серопегих...»

Интересно, а у меня то есть что-нибудь про коней? Ну да, что-то такое:

...Мой конь завыл кукушкой

Да скинулся с моста,

А локон на подушке

Из волчьего хвоста...

Локона на подушке не осталось. Он был стриженный.

Оставалось только завить кукушкой, но я как-то сразу и безболезненно договорилась насчет денег. Не надобно иметь ни ста рублей, ни ста друзей. Даже и одного друга не нужно. А всего лишь нужна кристальная репутация.

Всем известно, что я в деловом отношении, девушка железная, как зубы татарина.

Поэт Емелин договорился, а поэт Нескажу прямо в «Фаланстер» привез мне деньги, зеленые, как глаза татарина.

Там, в «Фаланстере», моя поучительная история пользовалась большим успехом и даже оказалась одним из пунктов развлекательной программы. Реагировали по разному.

Поэт Нескажу помог материально. Добрый Митя Шагин – по-отечески прижал к груди. Емелин пытался подкалывать:

– Двести баков – это деньги. Значит за одну ночь выходит... Знаешь за такие деньги, ты могла бы себе *такое* вызвать! Например, из кооператива «Красная Шапочка». Вот такое, как на плакате: «Перейдя на бритвы „Жиллет“, вы измените свое представление о бритве!»

– Какая к черту «Красная шапочка». Зеленые глаза...

Емелин налил мне утешительной водки в стакан, и тут мое здоровье рухнуло окончательно.

– Не понимаю. Ну что тут может болеть в животе, слева? Аппендицит то справа!

Там же ничего нет!

Я возмущалась, сидя на кухне у семейных непьющих друзей, которые опекали меня в эти последние инвалидные дни.

– Да, слева действительно почти ничего. Только печень и одна из почек...

Я все вспоминала его зеленые глаза...

А в Питере вспомнила железные зубы.

Доктор Крюков из Мариинской больницы ласково объяснил мне, что с этим не шутят, и прописал курс профилактических антибиотиков. По поводу почки и печени посоветовал молочные продукты.

Ну вот, результаты командировки: Депарье куплен и доставлен в любимый журнал.

Я сижу дома и глотаю курс профилактической отравы. Кроме того,

с отвращением поедаю кефир и творог. Я ненавижу молочные продукты.

...Понедельник наступает

Мне б на улицу пойти

Доктор Крюков не пускает

Мою розу расцвести...

Непонятно, почему я не могу разозлиться на него. Наверное, потому что, взял не последнее. Гостиничный вор берет не последнее. Ну да – я лохиня, растяпа и заплатила двести баков за свой излишний романтизм.

Что поделаешь, романтизм – это десерт и жить без него скушно.

Кто знает, что он тогда сказал этим сутенерам?

Может быть: «Отвалите ребята, тут работаю я. Эта баба – мой клиент».

Но мне понравилось, что они сразу разбежались.

Это все же была маленькая победа над чем-то, что я ненавижу.

Я мало что ненавижу.

Ну вот – козлокотых сутенеров, например.

Или когда влезают в чужие компании и говорят: ну ка сбацай...

А насчет молочных продуктов – это я соврала. Мороженое – тоже ведь продукт молочный. Десерт. Без которого скушно жить.

Питер 2010

ВИКЖЕЛЬ

«Мы стали злыми и покорными, Нам не уйти. Уже развел руками черными

Викжель пути.»

(неточная цитата из Гиппиус)

Викжель (Всероссийский исполком союза железнодорожников) (август 1917 – январь 1918) – центральный профессиональный орган на железной дороге.

Оба – старые.

К адюльтеру совсем малопригодные.

Но у него завелись деньги, и роковая любовь полагалась ему «по понятиям».

А ей, вообще, было все равно, кто.

Потому что она была не от мира сего.

И еще слегка глухая.

Оба, не сговариваясь, решили, что лучше будут гулять по улицам.

Вокруг был почти настоящий Петербург: Белые ночи, Бедные люди, вокруг декорация из оперы Пиковая дама, вполне подходящая для Роковой любви.

Вобщем, решили гулять. В первый же день пошел дождь.

И даже не дождь, а именно то, что зовется Разверзлись Хляби Небесныя.

Никакой зонтик не поможет.

У него были новые замшевые ботинки.

А у нее просто насморк.

Они простояли в подворотне полтора часа.

Нужно было говорить о любви. Но он все время говорил о здоровье.

Он рассказал ей, что выпуклые ногти свидетельствуют о склонности к астме.

У нее тоже оказались выпуклые ногти.

Еще он рассказал про почечную грыжу.

Вообще сказал, что у него уже пошел Процесс Разложения.

А она рассказывала про хорошее: про то, что в Центре Простатологии на Фурштатской, хоть и дороже, чем на Звездной, почти вдвое, но зато – самые современные технологии.

И ей там недавно все проверили, и все оказалось, по словам врача, «очень прилично». И даже Лейкоциты «в очень приличном состоянии».

Что такое Лейкоциты, никто из них толком не знал, но, все равно, звучало как-то приятно.

Ей, по крайней мере, представлялось ее Приличное Лоно чем-то вроде голубого небесного свода в храме, и эти самые Лейкоциты сияли на голубом фоне как звездочки.

Они еще немного поговорили о болезнях, но когда он начал рассказывать про геморрой, а она радостно подхватила, оба вдруг запнулись и поняли, что когда Роковая Любовь – таких тем касаться нельзя.

Тут он вспомнил, наконец, что приехал в Петербург специально, чтобы у него случилась вот эта самая роковая любовь. С какой-нибудь молодой женщиной, «обладающей философским складом ума».

И молодыми длинными ногами.

Он много раз представлял себе, как будет рассказывать ей о своей докторской диссертации.

О своем уникальном исследовании, посвященном истории Профсоюза Железнодорожников в Восемнадцатом году.

Никто кроме него не занимался этой темой.

Он мечтал, что расскажет про Викжель молодой женщине, и у них возникнет интересная философская полемика. Потому что ее отношение к Викжелю будет страстным, а его, в сущности – равнодушным. Но он просто объяснит ей, что

Викжель – это первая и последняя попытка – российского пролетариата – быть.

29 октября 1917 года Викжель – провозгласил забастовку с требованиями формирования из партий эсеров, меньшевиков и большевиков однородно-социалистического правительства без участия в нём лидеров революции Ленина и Троцкого...

Провал выступления Керенского-Краснова на подступах к Петрограду позволил Ленину и Троцкому прервать наметившиеся переговоры с бунтующим профсоюзом...

Следует заметить, что слово «Викжель» тогда было у всех на устах...

Викжель предложил различным партиям приступить к переговорам...

Поддержанная демократической интеллигенцией, действующей ради поражения собственной страны, администрация Викжеля устроила «затык» со снабжением...

На митингах и собраниях рабочие приняли решение о немедленном созыве второго Всероссийского съезда железнодорожников с целью переизбрания Викжеля...

На съезде Советов была оглашена телеграмма Викжеля от 26 октября...

В телеграмме говорилось: «Викжель принимает на себя общее руководство всем ведомством...»

О том, насколько подобная позиция Викжеля была оправданна и насколько тенденция...

Дождь все не кончался, и он стал рассказывать историю Профсоюза Железнодорожников прямо тут в подворотне.

Прямо ей – этой, совсем не Той.

И слушала она Не Так. Невнимательно.

И вместо этого все время прижималась к его свитеру.

Не вполне молодой щекой.

И не вполне молодой ногой все время трогала его колени.

От этого у него все путалось в голове и вообще становилось похоже на самое раннее детство: когда девочка что-нибудь предлагает тебе показать и разрешить потрогать.

Например, за шоколадку. Или конфету Красная Шапочка.

Так вышло, что вокруг оказалась декорация вовсе не из Пиковой Дамы, подходящая к Роковой Любви, а именно вот такая – подходящая к потным ладошкам и к Игре В Доктора.

Подворотня. Дождь. Помойка во дворе.

На стене подворотни – надпись странного содержания:

СВЕТА! ЛЮДА СОСЕТ ВСЕМ, КРОМЕ ИГОРЯ!

Они, конечно, долго спорили, что вообще—то означает это сообщение, пытались реконструировать схему отношений между четырьмя неизвестными: Светой, Людой, Игорем и самим доносителем.

Полемика была, но назвать ее философской было никак невозможно.

Он продолжил про Викжель.

Викжель, угрожая всеобщей забастовкой на транспорте, в ультимативной форме потребовал...

Викжель потребовал создания «однородного социалистического правительства»

При этом частью этого правительства отныне рассматривался и Викжель.

В противном случае Викжель грозил всеобщей стачкой железнодорожников

В случае отказа от ультиматума Викжель угрожал начать забастовку в ночь с 29 на...

Впоследствии по Викжелю станут равняться и другие рабочие объединения...

Викжель относится отрицательно к захвату власти одною какою—либо политической...

20 сентября за стачку высказался Викжель. В ночь на 24 сентября в России началась...

Викжель удовлетворился перечисленными уступками и распорядился 25...

Викжель не признавал в этом вопросе никаких других интересов...

Поэтому Викжель воспринял как оскорбление тот факт, что его даже не пригласили на съезд...

Межпартийные переговоры по инициативе Викжеля стали важным, но все-таки эпизодом в развитии послеоктябрьской политической ситуации в стране...

Ультиматум Викжеля послужил причиной первого кризиса советского правительства....

В дни октябрьского переворота нейтралитет Викжеля, не пропускавшего эшелоны с...

Делегация ЦК, посланная на переговоры с Викжелем, не возражала против...

В период Октябрьского восстания Викжель пытался быть «нейтральным» и играть роль...

Викжель уже в конце октября и начале ноября 1917 года отказал в поддержке...

С Викжелем приходилось считаться, потому что, как я уже сказал, о...

Дождь все не проходил.

Она вспомнила рассказ из сборника «Американская фантастика». Про то, как в космосе выловили марсианку, приняли ее на борт космолета. Она была красивая. Но сразу выяснилось, что Марсе всегда такая погода, то есть атмосфера, ну такая температура, при которой вода замерзает...

– Это сто градусов да?

Он поправил, что вода замерзает при нуле, а при ста закипает. Она совсем было запуталась, растерялась.

И решила рассказ вообще не рассказывать.

Но потом все-таки придумала:

– Одним словом, там все люди могли существовать только при ста градусах мороза.

И вот девушку-марсианку посадили в специальный стеклянный холодильник. Жить она могла только там.

Там она ходила в летнем платье и была очень красивая.

Один космонавт в нее влюбился.

Он каждый день приходил ее холодильнику, и они смотрели друг на друга. И разговаривали.

Рассказывали друг другу всякое.

Иногда он надевал специальный скафандр и входил к ней туда. Им хотелось поцеловаться, но это было точно нельзя.

Тогда они решили хотя бы потрогать друг друга.

Он протянул руку и погладил ее по щеке. И на щеке у нее сразу остался ожог.

Так кончился этот рассказ.

От этого рассказа им стало совсем грустно.

Он еще немного рассказал про Викжель.

Профсоюз железнодорожников – Викжель – был тогда очень влиятельной силой. О нем даже очень далекая от всяческих профсоюзов декадентка Зинаида Гиппиус писала...

Сочувствием широких масс Викжель не пользуется. Во время переговоров выяснилось, что народные социалисты даже не могут вести переговоры с большевиками...

Напрасно старался перебравшийся в Москву Викжель еще раз выступить со своим подмоленным...

И в тот же день Викжель предъявил Всероссийскому Центральному...

Тогда она решила вспомнить что-нибудь смешное.

Вспомнила, что однажды у нее дома ночевал странствующий монах.

Он приехал на велосипеде. Он жил в монастыре и передвигался по Питеру на велосипеде. От одной бабы к другой. Он был очень красивый, похожий на Иисуса Христа и на Джона Леннона.

Настоящий такой Странствующий Монах-распутник.

Такой, про которого есть сказки у всех народов.

Участник историй про Петрушку, Кашперека,

Панча и Полишинеля.

Когда монах приехал к ней на велосипеде, она не поняла, что он из Такой Сказки. Просто подумала, что ему удобно ночевать у нее из-за велосипеда. У нее подъезд закрывался на домофон. Она стала кормить монаха, и разговаривать с ним о духовном.

О Вере в Бога. О Добре, Жалости и Сопереживании.

Говорила все время она, – такой экзальтированный бесконечный монолог. Так часто женщины разговаривают с молодыми духовными отцами.

В середине монолога он вдруг спросил ее ни к селу, ни к городу:

– Слушай, а ибацца ты любишь?

Наверное, это у него был такой отработанный прием.

Наверное, он всех экзальтированных женщин сбивал вот этим вопросом. И ее собирался сбить, как птицу влет.

Но она не смутилась и сразу ответила без запинки – честно:

– Люблю!

И в следующую секунду добавила испуганно:

– Но не очень!

Потом все смеялись над ней. Это даже стало анекдотом, такой ответ на такой вопрос.

На этом история про монаха кончилась. Но правильно она сделала, что рассказала ее, потому что теперь они могли вместе посмеяться.

И еще немножко пофилософствовать, насчет того, что значит такой вот смешной ответ.

Такой ответ значит, что всяка живая тварь любит соитие.

Но среди человекoв иногда встречаются такие, которые Мало Что согласны за это отдать.

Есть даже такие, которые вообще Ничего за это отдать не согласны. И им не надо сунуть руку в огонь, чтобы догадаться, что за этим последует

Боль и Сожженная Щека.

Оба они были именно такие.

Им ведь было куда пойти.

Могли бы не стоять два часа в подворотне.

Со своим дурацким Викжелем.

Питер 2008—2010

НЕВЕСТА

Политическая история

Саше Бондареву

Дело было в Париже. Я сидела в подвале у Хвоста.
Как обычно, неприкаянная, в полной мере.
Вокруг сидели другие пропащие ребята.
И однажды в этот подвал пришел дядька, хвостов друг.
Из уважаемых. Из переводчиков.
Уважаемыми из хвостовых друзей были врачи и переводчики.
Дядька был красивый, кудрявый и с кудрявой бородой.
Я с ним познакомилась еще в Нью-Йорке,
когда он туда приезжал.
И вообще, он забрал меня из этого подвала на выходные.
Как детдомовского ребенка забирают.
Привез в свою красивую квартиру.
И там приготовил какой-то вкусный ужин...
Мне там понравилось. Такая идиллия.
И к утру я уже решила, что я – невеста.
И он тоже так решил, потому что поэт Емелин не дать соврать, нет мне равных в умении
разводить sentimentalный интим и морочить людям головы matrimonialными наклонно-
стями.
Я вот, будучи, б...ю, по которой проскакал эскадрон, тем не менее, не выношу слова
«любовница». Да и слово «гелфренд» меня коробит.
Я люблю простое слово «невеста».
И вот, проснувшись на следующий день, мы решили,
что я теперь невеста.
И что в понедельник мы съездим за вещами в мою мансарду «шамбр де менаж»
на Пигаль 11,
и буду я жить теперь, как невеста, вот в этой красивой квартире, с этим красивым дядеч-
кой.
А пока было воскресенье, и дядичка решил позвать гостей и показать им чудную неве-
сту – меня.
Сам он был русский интеллигент. Родом,
наверное из казаков.
А в гости к нему пришли два друга, и оба из дворян.
Один был происхождением русский князь.
А второй – грузинский и тоже князь.
Оба были ужасно красивые.
Вообще, вокруг меня были три реально красивых дядички. Ну с такими прекрасно-бла-
городными лицами.
И все трое были с такой пепельной сединой.
Им, дядичкам, в ту пору было наверное чуток за 50.
А мне было под 40.
Мой дядичка-жених опять приготовил какой-то
волшебный ужин.

Я им понравилась. И я сидела, такая радостная.

И грелась в лучах их благожелательного внимания.

Я там действительно устала в этом хвостовском подвале под названием «Пир на Райской улице». Устала от всеобщей неприкаянности.

Оттого, что Хвост выдал мне ключи от этого места и поручил присматривать за порядком, то есть за всеми этими странными осколками развалившейся страны, которых понесло по свету, и прибило к хвостовскому райскому пиру.

Большинство из них были простые люди, не обремененные особым образованием, но с серьезным опытом выживания... пьяницы, наркоманы, поэты, художники, провинциальные барышни, магазинные воры, уличные музыканты...

Я чувствовала себя – какой то комиссаршей из «Оптимистической трагедии».

А пуще того – левоэсеровской еврейской девушкой при штабе батьки Махно.

И вообще – устала.

А тут был дивный вечер. Столовое серебро. Крахмальная скатерть. И вино в хрустальных бокалах.

И разговоры о литературе, о поэзии... О России...

И я буквально расплавилась от покоя, уюта и восторга.

И сказала:

– Какое счастье, что в России наконец кончилась гражданская война! Что не прошло и ста лет, а мы, наконец, вот так вот сидим, и все мы на одной стороне фронта. Давай те выпьем за это! Это так ценно. А то ведь еще каких то 80 лет назад, например в 19-м или 20-м, я ведь даже в плен не смогла бы вас брать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.